

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-2-71-81

Ирина Юльевна ШТОДИНАМосковский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

llc48@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0522-5324

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСМОСА

ВВЕДЕНИЕ. Проблема отстаивания нормативно-правовой базы космического права от реалий и потребностей сегодняшнего дня неоднократно обсуждалась отечественными и зарубежными специалистами в области космического права. Как особо значимую можно выделить проблему борьбы за демилитаризацию космоса, принимая во внимание уже происходящее фактическое размещение оружия в космосе и отсутствие многосторонних и двусторонних запрещающих договоренностей в этой области. Реализуемые на протяжении уже нескольких десятилетий планы США по созданию ПРО ставят Российскую Федерацию перед необходимостью реагирования на создаваемые программой угрозы. Очевидно, что втягивание в гонку вооружений не отвечает ни экономическим, ни политическим интересам страны. Не менее тревожной тенденцией можно считать и стремление некоторых стран создать преимущества для своих частных пользователей в разработке и присвоении минеральных ресурсов небесных тел. В отсутствие формального запрета на такие действия они, по сути, размыывают основополагающие положения Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического про-

странства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. Сегодня актуальной задачей можно считать сохранение достижений, лежащих в основе современного правового массива в области использования космического пространства, и обеспечение равных прав всех государств на участие в такой деятельности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужили научные труды и публикации российских и зарубежных исследователей в области права международной безопасности, международного космического права, а также международные соглашения в области исследования и использования космоса. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания (диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукции, индукции, сравнительно-правовой и историко-правовой методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. С определенного момента вопрос о приведении норм космического права в соответствие с современными реалиями утратил свою академичность. Можно сделать вывод о том, что отстаивание в правовом обеспечении своих национальных интересов в космической деятельности может иметь для Российской Федерации непредсказуе-

мые последствия. Что касается необходимости реагирования на реализуемую США и НАТО программу ПРО, то можно обоснованно констатировать, что имеющегося стратегического потенциала страны достаточно для преодоления любой системы противоракетной обороны. Тем не менее соревнование оборонительных и наступательных вооружений всегда неизбежно ведет к дорогостоящей гонке вооружений. Избежать этого, в том числе и употребляя ресурс «мягкой силы», а именно участия всех заинтересованных стран в реализации долгосрочных, взаимовыгодных, перспективных научных проектах, – задача сложная, но реализуемая.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Возможность избежать дальнейшей конфронтации в области космических вооружений автор видит в исполнении уже имеющихся договоренностей в области сокращения стратегических наступательных вооружений, в использовании ресурса «мягкой силы» для переключения с гонки вооружений на реализацию долгосрочных взаимовыгодных проектов. Конфронтационный

путь ведет в никуда, и из такого понимания ситуации США и Российская Федерация исходят, вступая на путь разрядки напряженности. Здравый смысл должен возобладать над сиюминутными политическими интересами. Это же в полной мере относится и к попыткам радикального пересмотра имеющихся договоренностей по исследованию и использованию космоса, нуждающихся в адаптации к современным реалиям, но не в отмене.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: система противоракетной обороны страны, немилитаризация космоса, «мягкая сила», долгосрочные проекты в области исследования и использования космоса, проблемы коммерческого использования космоса

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Штодина И.Ю. 2018. Некоторые актуальные вопросы правового обеспечения исследования и использования космоса. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 71–81.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-2-71-81

SPACE LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-2-

Irina Yu. SHTODINA

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

llc48@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0522-5324

SOME ACTUAL ISSUES OF THE LEGAL ENFORCEMENT OF THE EXPLORATION AND USE OF OUTER SPACE

INTRODUCTION. *The problem of the backlog of the normative and legal bases in the field of international space law is widely discussed by Russian and foreign international lawyers. The most vital problem is the non-militarization of space, taking into consideration the lack of bilateral and multilateral banning treaties in this field. The realization of the American program for a missile defense in space forces Russia to react. However, the further participation in the nuclear arms race contradicts our national interests. No less dangerous than space weaponization is the stubborn desire of some states to create benefits for the national private users of outer space. The lack of the effective bans in this field leads to undermining of the regime of the agreements in force on the exploration and use of outer space. The current task is to save the positive provisions of the space agreements as well as to ensure the equal rights for all states in their space activities.*

MATERIALS AND METHODS. *Materials used for the analysis include legal works of Russian and foreign researches in the field of international space law and international relations as well as multinational treaties in the sphere of space law, bilateral treaties in the sphere of disarmament, national acts in the sphere of the commercial use of outer space. Methodological procedures of the research include general and specific scientific methods of enquiry (dialectical method, methods of analysis and synthesis, deduction, induction, comparative-legal and historical-legal methods).*

RESEARCH RESULTS. *Today the main purpose is to bring the rules, concerning the use of outer space in accordance with the today's requirements. The lag in the legal provisions of our national interests*

is unacceptable for Russia and will entail unpredictable consequences. Today the strategic potential of Russia is sufficient to overcome the US antiballistic missile system. However, the competition of defensive and offensive weapons always leads to further arms race. One of the most effective means to avoid it is the use of "soft power" in international relations in general and in international relations in the field of using outer space. The use of "soft power" means for example the participation in long-term mutually beneficial projects in space.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *According to the author the means to avoid the new round of the arms race in space are the use of "soft power" in international projects of the use of outer space and implementation of existing disarmament agreements. Confrontation is a blind alley: that was the main concept during the disarmament era. The common sense must prevail over momentary interests. This statement can also be applied to the attempts concerning the review of the existing agreements in the field of using of outer space. These agreements should be adapted but not cancelled.*

KEYWORDS: *antiballistic missile defense (ABM), non-militarization of outer space, "soft power", long-term projects in the field of the peaceful use of outer space, the problems of the commercialization of space use*

FOR CITATION: Shtodina I.Yu. 2018. Some Actual Issues of the Legal Enforcement of the Exploration and Use of Outer Space. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 2. P. 71–81.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-2-71-81

Со времени принятия универсального Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. (далее – Договор о космосе) прошло не одно десятилетие. Уже не вызывает сомнения тот факт, что имеющийся правовой массив в этой области не в состоянии должным образом обеспечить все сегодняшние потребности государств, физических и юридических лиц в регулировании космической деятельности. Наиболее важные вопросы: появление новых субъектов в косми-

ческом праве; масштабная коммерциализация такой деятельности; возросшие экологические риски, а главное – запрещение милитаризации космоса, вероятно, должны решаться уже в другой плоскости. Оставят ли такие тенденции место для соблюдения действующих договоров по космосу или же на определенном этапе главные игроки просто сочтут для себя более выгодным экономически и политически обнулить эти соглашения?

Особенно показательным ввиду вышеизложенного является вопрос о последовательно осуществляемых планах США по вооружению

космического пространства. Так, в ноябре 2017 г. начальник штаба ВВС США Д. Голфин и министр ВВС США Х. Уилсон заявили, что космос будет ареной деятельности ВВС США, так как никаких договорных запретов на размещение там летального (кроме ядерного) оружия нет. Х. Уилсон заявил, что отношение к космосу меняется. Прежде космос воспринимался как пространство мира, где размещаются датчики, откуда ведется наблюдение и получаются отчеты. Теперь он превращается в зону, где США должны сражаться и побеждать, завоевывать и сохранять космическое превосходство¹. Собственно, ничего нового в этом заявлении не содержалось, однако если ранее речь могла идти об эффективном стратегическом противостоянии СССР и США в области космических вооружений, то сегодня для Российской Федерации уже в силу объективно существующих политических и экономических причин становится затруднительно противостоять напору США в одиночку. Что касается самих Соединенных Штатов, то они с гораздо большим опасением воспринимают другого соперника – Китай. В свою очередь, последний неоднократно заявлял, что создание системы противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) при помощи совместных усилий США и Японии не послужит безопасности в регионе, а наоборот. Такая позиция Китая вполне объяснима, учитывая исторический опыт разногласий и недоверия между Китаем и Японией. Таким образом, и в этом случае создание ПРО в АТР ни в коей мере не послужит укреплению безопасности в этом регионе, а, скорее, будет восприниматься как стратегическое орудие борьбы против возрастающей мощи Пекина и его влияния на данной территории.

Впрочем, на сегодняшний день инициативы Российской Федерации в области запрещения развертывания широкомасштабной ПРО пользуются все меньшей поддержкой, в том числе и в рамках ООН. Так, против выдвинутой Российской Федерацией 30 октября 2017 г. в Комитете по разоружению ГА ООН резолюции «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве» проголосовали не только США, Великобритания, Израиль, но и Украина².

По сути, космос уже давно является милитаризованным, ведь почти все космические аппараты имеют двойное назначение и нет правового запрета на использование противоспутникового оружия. По сути, после выхода США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. единственной преградой на пути милитаризации космоса служит ст. IV Договора о космосе, где зафиксировано обязательство участников «не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом». Но развитие событий идет по другому сценарию, и на повестке дня сегодня стоит вывод оружия в космос. Тогда его дальнейший запрет станет затруднительным, и диктовать условия сможет то государство, которое сумеет вывести оружие первым.

С момента объявления США об одностороннем выходе из Договора об ограничении систем противоракетной обороны в 2001 г. ситуация еще более обострилась и фактически стала камнем преткновения в отношениях США и Российской Федерации. Попытки Вашингтона обосновать необходимость реализации создания широкомасштабной ПРО необходимостью противостоять возрастающим угрозам приобретения и обладания баллистическими ракетами так называемыми странами-изгоями, такими как Иран и КНДР, кажутся не слишком убедительными. В подтверждение своих опасений США ссылаются на запуски КНДР баллистической ракеты «Тэпхон-2», дальность полета которой составляет 3 тыс. км² и ракеты «Ынха-3» под видом ракеты космического назначения. Что касается Ирана, то он ведет активное совершенствование ракеты «Шехаб-3», имеющей дальность полета более 2 тыс. км. Совершенствование этих ракет позволит КНДР держать под угрозой территории Тайваня, Южной Кореи и Японии, а Ирану – территории Израиля и Южной Европы [Томашов 2013:92].

В настоящее время система ПРО США состоит из 44 стратегических антиракет на Аляске и в Калифорнии, число которых планируется увеличить в ближайшие годы до 70. Кроме того,

¹ Заквасин А. «Готовы сражаться и завоевывать»: как США собираются милитаризовать космос. – RT News. 11.11.2017. Доступ: <https://russian.rt.com/world/article/448415-ssha-kosmos-oruzhie> (дата обращения: 02.05.2018).

² США в ООН не поддержали три резолюции о предотвращении гонки вооружений в космосе. – ТАСС – информационное агентство России. 31.10.2017. Доступ: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4689254> (дата обращения: 02.05.2018).

есть две базы ПРО на территориях Румынии и Польши для отражения ракет средней и меньшей дальности, которых по Договору о ликвидации ракет средней и малой дальности 1987 г. (далее – Договор о РСМД) у России нет и быть не может. На 35 военных кораблях могут быть размещены еще несколько сотен антиракет типа «Стандарт»³. К существенным недостаткам вышеприведенной системы можно отнести, в первую очередь, то, что она никогда не была испытана ни полностью, ни по частям, например, для осуществления перехвата МБР на разгонном участке траектории полета. В литературе по данному вопросу неоднократно высказывалось мнение о практически неосуществимой 100%-ной эффективности создания ПРО [Spring et. al. 2009]. Стало быть, если такая цель нереализуема, то невозможна и защита от одиночных запусков стран-изгоев. Очевидно, более конкретной и прагматичной целью этой программы является вовлечение всех остальных стран в новую гонку вооружений, чтобы усилить опору на ядерное оружие и ядерное сдерживание в стратегии обеспечения своей безопасности.

Каким может быть алгоритм поведения Российской Федерации, в том числе в правовом поле, при сложившихся обстоятельствах? Оптимальным вариантом было бы сотрудничество нашей страны и США по вопросу создания совместной ПРО для достижения официально заявленной США цели – обеспечения защиты от одиночных террористических запусков баллистических ракет. С такой инициативой на саммите НАТО, проходившем в 2010 г. в Лиссабоне, выступил Д.А. Медведев, предлагая создать секторальную ПРО, способную гарантировать уничтожение ракет, пролетающих через территории двух стран, и обязывающую не направлять объекты такой системы друг против друга⁴. Но на сегодняшний день, учитывая уровень отношений между Российской Федерацией и США, вряд ли это сценарий осуществим. Ввиду отказа США от всех возможных вариантов сотрудничества в области создания совместной системы ПРО Россия будет поставлена перед необходимостью либо создания собственной национальной ПРО (а определенные наработки в этой

области уже имеются, например развернутая вокруг Москвы противоракетная система А-135, зенитно-ракетные комплексы С-400 «Триумф», Войска воздушно-космической обороны), либо совершенствования систем, способных преодолеть создаваемую ПРО.

В Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ от 1 марта 2018 г. были представлены и шесть новых наступательных систем России, призванных нейтрализовать системы противоракетной обороны США и их союзников в Европе и на Тихом океане. Речь шла, в частности, о новых МБР типа «Тополь-М» и «Ярс» и баллистических ракетах подводных лодок (БРПЛ) «Булава-3». По государственной программе вооружения до 2020 г. (общая стоимость 20 трлн руб.) должно быть развернуто 400 единиц БРПЛ на суше и на восьми новых подводных лодках типа «Борей»⁵. Большое внимание было уделено и новым системам вооружения, способным выполнять задачи борьбы с ПРО противника. Одной из таких систем будет тяжелая МБР «Сармат», способная атаковать США через Южный полярный круг. Тем не менее следует отметить, что преимущества новой ракеты довольно спорные, прежде всего потому, что подлетное время при следовании по такой траектории будет намного длиннее, чем, например, при использовании уже имеющихся ракет «Тополь-М» и «Ярс», следующих над северным полушарием. При этом американская сторона будет располагать большим временем, чтобы засечь запуск таких ракет спутниками, а подлет – радарам, которые противник может расположить на морских платформах у южных берегов США. В исследованиях по вопросам безопасности неоднократно отмечался и другой недостаток тяжелых МБР, а именно чрезвычайная уязвимость их шахт для ядерных ракет противника [Nuclear Proliferation... 2009:139]⁶. Возможным эффективным решением указанной проблемы стал бы переход на наземно-мобильные ракетные силы. Представленная гиперзвуковая авиационная система «Кинжал», имеющая дальность 2 тыс. км, может быть использована для пополнения арсенала противокорабельных ракет и для использования на суше. Лазерные

³ Арбатов А. 2018. Вызов брошен. – *Российский совет по международным делам*. Доступ: <http://svop.ru/main/26392/> (дата обращения: 02.05.2018).

⁴ Саммит Россия-НАТО: подводя итоги. – *Интерфакс*. 21.10.2010. Доступ: <http://www.interfax.ru/russia/165850> (дата обращения: 29.03.2018).

⁵ Арбатов А. 2018. Вызов брошен. – *Российский совет по международным делам*. Доступ: <http://svop.ru/main/26392/> (дата обращения: 02.05.2018).

⁶ См. также: Штодина И.Ю. Международная противоправность американских доктрин и планов милитаризации космического пространства: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 1988. С. 71–83.

комплексы наземного базирования послужат защите объектов от крылатых ракет.

В целом был бесспорно продемонстрирован технический прорыв во многих системах вооружений. Реакция западных аналитиков и прессы была вполне предсказуемой. В большинстве случаев ставилось под сомнение наличие испытанных образцов новых заявленных типов вооружения, например атомной энергетической установки, миниреактора или изотопной батареи на некоторых типах спутников. Для отечественных специалистов области вооружений и права международной безопасности вопрос стоял в другой плоскости, а именно: нужны ли нам новые типы вооружений, если с задачами, для решения которых они предназначены, достаточно эффективно справлялись уже имеющиеся шахтные и мобильные ракеты типа «Тополь-М» и «Ярс»? Нужны ли новые типы вооружений, если и так присутствует понимание того, что надежды на защиту с помощью ПРО от России нет ни у США, ни у НАТО? На сегодня у Российской Федерации есть следующие стратегические ядерные силы: 530 носителей и примерно 2 тыс. ядерных боеголовок баллистических ракет и крылатых ракет тяжелых бомбардировщиков, почти полностью обновленных за последние годы. Их вполне достаточно чтобы преодолеть любую ПРО.

На практике реализация программы по созданию новых типов вооружений будет означать участие в новом, весьма затратном витке гонки вооружений. Что касается дальнейшего совершенствования своих стратегических ядерных сил, то нужно учитывать тот факт, что Российская Федерация связана действующими договорными обязательствами в рамках соглашений о разоружении. Вместе с тем нужно отметить, что существует возможность выхода для Российской Федерации в одностороннем порядке из Договора о РСМД или Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений 2010 г., при подписании которого Россия сделала заявление о возможности выхода из соглашения, если наращивание возможностей системы ПРО США создаст угрозу потенциалу стратегических ядерных сил Российской Федерации. Все же выход в одностороннем порядке из соглашений о разоружении, какой бы из сторон он ни предпринимался, влечет всегда в качестве непосредственного результата снижение

доверия к такому участнику соглашения, а также ослабление легитимности имеющихся международных режимов в области разоружения и контроля над вооружениями. Какие же варианты реагирования остаются доступными сегодня?

Как уже отмечалось, решение проблемы ПРО является ключевым для безопасности как Российской Федерации, так и всего Земного шара и космического пространства. Вряд ли стоит рассчитывать на возможность договорного решения этой проблемы и на подписание в обозримой перспективе двусторонних юридически обязывающих документов, гарантирующих, что создание систем ПРО не повлияет на потенциал стратегического сдерживания России. Эта позиция уже была озвучена в отказе НАТО юридически оформить договоренность о ненаправленности создаваемой системы ПРО против России и против любого другого участника общей системы противоракетной обороны. В отсутствие перспектив достижения юридически обязывающей договоренности по этому вопросу все же стоит положительно оценивать любую возможность сближения по проблемам ПРО путем смягчения позиций двух стран и разработки программы сближения через укрепление мер доверия в этой области [Лузин 2012:95], создание совместного центра по обмену данными, проведение совместных учений по ПРО и заключение соглашений по техническому обмену. История отношений СССР (Российской Федерации) и США неоднократно подтверждала, что наращивание вооружений, недоверие к противоположной стороне – это путь в никуда. В сложившихся обстоятельствах следует, наоборот, поддерживать и развивать любые инициативы в области разоружения, ведь формирование политического климата, обретение союзников возможны лишь при активной пропагандистской работе по разъяснению истинного положения дел в области космических и противоракетных вооружений. Обеим сторонам – и Российской Федерации, и США – следует отдавать себе отчет в том, что урегулирование вопроса по ПРО или его отсутствие определит международную безопасность и уровень противостояния двух стран в долгосрочной перспективе.

Применительно к космической деятельности стоит обратить внимание и на такую концепцию, как теория «мягкой силы», выдвинутая Дж. Наем-мл. [Nye 2004]. Суть ее заключается в способности добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принужде-

ния или подачек. Ученый пишет: «Ресурсы «мягкой силы» часто оказывают косвенное влияние, расширяя пространство для политического действия, и порой здесь требуются годы для получения запланированных результатов» [Nye 2004]. С точки зрения международного права эта концепция перекликается с диспозитивным принципом сотрудничества государств, например, в области исследования и использования космоса, как это сформулировано в ст. IX Договора о космосе. Сотрудничество государств в мирном освоении космоса, борьбе за сохранение космоса «чистым», а значит, доступным для использования в полной мере, может рассматриваться как инструмент внешнеполитической «мягкой силы»⁷. Высоким потенциалом «мягкой силы» обладают многонациональные и совместные космические проекты, но только в том случае, если они имеют высокую научную или прикладную значимость и высокую степень научно-технической сложности. Ресурс «мягкой силы» нуждается в «постоянной подпитке и наличии горизонта долгосрочного планирования» [Лузин 2012:204]. Часто как пример успешного международного сотрудничества приводят МКС, однако нельзя не отметить, что уже к середине первого десятилетия XXI в. российское участие в проекте перестало оказывать положительный эффект на отношения Российской Федерации с США и западными партнерами. Более того, высказывается мнение о том, что, застопорившись на роли космического перевозчика на МКС, наша страна неизбежно начинает отставать в реализации долгосрочных проектов по исследованию, например, дальнего космоса. Хотя программа по использованию МКС была продлена до 2024 г., российские ученые, в частности П. Лузин [Лузин 2012:203–204], высказываются против продления ресурса станции после 2024 г. в силу ее тормозящего эффекта для российской космической программы в целом. Череда неудачных космических запусков и отложенных научных миссий, таких, например, как Всемирная космическая обсерватория, однозначно подсказывают необходимость изменения подходов к планированию и реализации космических программ в частности и назревшие преобразования в космической промышленности в целом.

Сохраняют свою привлекательность, в том числе и как инструмент «мягкой силы», такие

проекты, как космический комплекс «Астрометрия», запуск межпланетного зонда «Венера-Д», разработка космических аппаратов с атомными двигателями. Ряд ведущих исследователей в области динамики геосфер, например С.И. Козлов, высказали идею о том, что создание широкомасштабной ПРО может иметь ценность и будет интересным для всех космических держав в том случае, если ее главным предназначением станет не защита от гипотетических террористических запусков баллистических ракет, но борьба с астероидно-кометной опасностью (АКО). Эта угроза более реальна для существования земной цивилизации, чем может показаться на первый взгляд⁸. По версии, которой придерживаются многие ученые, «геохимические и палеонтологические данные свидетельствуют о том, что примерно 65 млн лет назад небесное тело размером примерно 170–300 км в диаметре столкнулось с Землей в северной части полуострова Юкатан. При этом образовался кратер диаметром 180 км. После столкновения на Земле наступила полугодовая ночь, в результате чего погибло большинство существовавших на тот момент видов растений и животных. Падение космических тел на поверхность Земли может вызвать землетрясения, пожары, извержение вулканов, цунами, изменение климата на планете. За последние 250 млн лет произошло девять вымираний живых организмов с интервалом примерно в 30 млн лет. Есть основания полагать, что это могло быть связано с падением на Землю астероидов и комет» [Ходакова 2012:102]. Нельзя сказать, чтобы эти угрозы не вызывали беспокойства у современных ученых. Исследования АКО достигли достаточно высокого уровня, и уже были созданы системы планетарной защиты под условными названиями «Космическая стража-1», «Космическая стража-2» в США и «Цитадель» в России. Создаваемая ПРО вполне способна решать задачи раннего обнаружения космических тел, их идентификации в качестве опасных объектов и их разрушения. Если видеть предназначение создаваемой ПРО в этой плоскости, то логичным было бы объединение усилий всех космических держав для его реализации. В общем, для того чтобы активно использовать потенциал «мягкой силы» космической деятельности в международных отношениях необходимо

⁷ Подробнее о проблеме мирного использования космоса и ее роли в отношениях между государствами см.: [Koroma 2012:3–20; Schrogl 2016; Vereshchetin 2010:42–49; Berkman et al. 2018:16–34].

⁸ Козлов С.И. ПРО: совместная защита от общего врага. – *Независимая газета*. 11.02.2011. Доступ: http://nvo.ng.ru/concepts/2011-02-11/1_pro.html (дата обращения: 15.04.2018).

изменить сам подход к планированию и реализации космических программ, разработать новую стратегию преобразований в отечественной космической промышленности.

Сегодня активными космическими исследованиями и практическим освоением космоса занимаются свыше 60 стран мира, однако повестку дня в силу объективно существующих экономических причин, определяют такие пользователи, как США, Китай и ЕС. В приоритете проекты по освоению глубокого космоса и небесных тел Солнечной системы, вышеупомянутая проблема астероидной безопасности, эффективное предотвращение засорения околоземной орбиты, преодоление дефицита частного ресурса для спутников и частная космонавтика. Несомненно, по мере решения указанных задач встанет вопрос о сохранении уже имеющихся юридических соглашений в этой области или об их доработке, с тем чтобы они отвечали запросам современности. По крайней мере, очевидно, что коммерциализация космической деятельности неизбежно затронет Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29 марта 1972 г., Конвенцию о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, от 14 января 1975 г., Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 5 декабря 1979 г. Захотят ли нынешние основные пользователи космоса сохранить неизменными ключевые положения Договора о космосе, по крайней мере ст. II и IV, запрещающие национальное присвоение космического пространства и небесных тел и закрепляющие их использование «исключительно в мирных целях»? Хватит ли политической мудрости у современных участников освоения космоса сохранить все достижения, совершенные в области международно-правового обеспечения освоения космоса? Ответ не так однозначен, как хотелось бы.

То, что в ближайшей перспективе придется решать проблему сохранения и (или) адаптации ключевых положений Договора о космосе к современным реалиям, демонстрирует и принятие некоторыми странами национальных законов о добыче космических ресурсов. Так, в ноябре 2015 г. Конгресс США принял Закон о конкурентоспособности в области коммерческих космических запусков (*U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act*). Раздел IV Закона был посвя-

щен добыче и использованию космических ресурсов (*Space Resource Exploration and Utilization*)⁹. В соответствии с положениями § 51301, 51302 и 51303 указанного раздела граждане США, компании, занимающиеся исследованием космоса с целью получения коммерческой выгоды, приобрели право владеть, пользоваться, транспортировать и продавать блага внеземного происхождения, такие как вода и минеральные (но не живые) объекты. Речь идет о добыче полезных ископаемых, которые могут быть получены из астероидов и частей небесных тел, т.е. о *natural resources not in place* в противовес упомянутым в ст. 11 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах «недр или природных ресурсов там, где они находятся» (*natural resources in place*). В отношении последних вышеупомянутое Соглашение содержит четкий запрет на их присвоение. Очевидно, данный национальный законодательный акт принимался на будущее, когда, возможно, в обозримой перспективе, добыча полезных ископаемых на небесных телах будет поставлена на поток. Идея о допуске частных лиц и компаний к космическим исследованиям и получению выгоды от таковых не новая, при этом всегда присутствовало понимание того, что в соответствии со ст. II Договора о космосе запрещено национальное присвоение космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

Новый Закон США вызвал интерес среди основных эксплуатантов космоса и в Европе, и в Азии. Следуя примеру Штатов, в 2017 г. Люксембург принял новый Закон о легализации промышленной добычи полезных ископаемых в космосе частными компаниями. Но ожидаемая коммерческая выгода от осуществления таких проектов, положения вышеупомянутого люксембургского Закона, предусматривающего для предприятий, имеющих офис на территории государства, возможность получить у правительства страны права на использование космических ресурсов, уже привели к тому, что пять иностранных компаний, в том числе из США и Японии, заявили о своих намерениях открыть представительства на территории великого герцогства и начать работу в указанной области. В частности, заявки поступили от *Ispace* (Япония), *Blue Horizon* (Люксембург и ФРГ), *Deep Space Industries* и *Planetary Resources* (США). Интерес для компаний в этих проектах исчисляет-

⁹ U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262/text> (accessed date: 29.03.2018).

ся баснословными суммами. Так, по заявлению NASA, их целью в 2022 г. станет астероид *16 Psyche*, содержащий цветные металлы на сумму в 10 тыс. млрд долл. США (для сравнения вся мировая экономика сегодня составляет 78 трлн долл. США)¹⁰.

Анализируя имеющиеся международно-правовые соглашения по исследованию и использованию космоса, нельзя отрицать, что и США, и Люксембург правы, указывая, что положения Договора о космосе никак прямо не регулируют статус уже добытых космических ресурсов и что национальное законодательство лишь восполняет пробелы международного права в отношении добычи таковых. Что касается Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах и его запрете на национальное присвоение *natural resources in place*, то довольно скромное количество участвующих в нем государств не позволяет говорить о нем как о договоре универсального характера, равно как и об образовании международного обычая в этом вопросе. Более того, принимая такой Закон Люксембург явно исходил из аналогии с международно-правовым режимом, установленным Конвенцией по морскому праву 1982 г. и предусматривающим право на разведку и разработку ресурсов открытого моря, но запрещающим национальное присвоение этого пространства. Применительно к предполагаемой добыче ресурсов небесных тел нельзя не отметить, что отсутствие международно-правовых установлений в использовании того или иного пространства зачастую восполняется национальным законодательством. Особенно если речь идет об обеспечении национальных экономических приоритетов на будущее. Вопрос о международно-правовом регулировании режима добычи ресурсов на небесных телах торпедирован и отсутствием в космическом праве определений таких понятий, как «небесное тело» и «общее достояние человечества», особенно применительно к уже добытым ресурсам, равно как отсутствием договорного запрета на частное присвоение вышеупомянутых богатств. Нельзя не отметить, что дискуссия по правовым определениям этих ключевых понятий длится годами без существенных результатов [Киченина 2016:19–21].

Как указывалось в исследованиях по данному вопросу, сегодня необходимо предпринять сроч-

ные усилия на международном уровне для запрета создания на национальном уровне правовых условий, обеспечивающих коммерческим компаниям право на разведку, добычу и присвоение ресурсов в космическом пространстве и на небесных телах, хотя бы и без провозглашения права собственности на астрономические объекты. Достижение поставленной цели нереализуемо без внесения изменений в имеющиеся договоренности, прежде всего в Договор о космосе, например, путем принятия имплементационного соглашения (международной договоренности об обязательной реализации закона), запрещающего на будущее присвоение космических ресурсов [Алексеев 2016; Попова 2017].

Каким может быть алгоритм поведения в сложившихся условиях для России? Необходимо продолжить обсуждение проблемы приведения имеющейся международно-правовой базы в области космических исследований в соответствие с запросами современности и актуальными потребностями государств в исследовании и использовании космоса. Тем не менее представляется, что выработка единой позиции в этом вопросе трудно достижима, прежде всего, из-за изменения расстановки политических сил в мире, увеличения космических пользователей, которые стремятся обеспечить, пусть даже путем размывания правового режима прежних международных соглашений, свои национальные интересы в этой области, а также привлечь иностранный капитал с помощью гибкого национального законодательства. Пожалуй, в поддержку курса Российской Федерации, нацеленного на сохранение уже имеющихся договоренностей по использованию космоса и их адаптацию путем согласования воли участников космического сегмента деятельности, могут высказаться те страны, которые еще активно не занимаются (в силу экономических причин) освоением космоса, но хотели бы обеспечить себе равные условия доступа к этой деятельности на будущее. Можно пойти и другим путем – принять аналогичное национальное законодательство. Пока что в Российской Федерации негосударственные организации не имеют ни технической, ни правовой основы для коммерческого освоения космических ресурсов. В п. 1 ст. 5 Закона РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» определено, что космическая деятельность нахо-

¹⁰ Белькова Л., Корчмарек Н. «Компрометирует принципы МП»: «Роскосмос» – о законе Люксембурга о добыче ресурсов в космосе частниками. – *RT News*. 05.10.2017. Доступ: <https://russian.rt.com/science/article/436642-roskosmos-iskopaemye-kosmos-lyuksemburg> (дата обращения: 15.04.2018).

дится в ведении государства и ее финансирование происходит за счет федерального бюджета¹¹. В соответствии с положениями рассматриваемого акта (ст. 6), уполномоченный орган по космической деятельности обеспечивает совместно с другими заинтересованными органами исполнительной власти выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию космической техники научного и социально-экономического назначения, производит закупку серийной космической техники и совместно с федеральным органом исполнительной власти по обороне обеспечивает ее эксплуатацию. Нельзя не согласиться с мнением, что «технической стороной вопроса в России никто не будет заниматься до тех пор, пока не появится правовая гарантия того, что разработки, направленные на частное освоение Космоса, могут быть реализованы» [Алексеев 2016:39]. Добавим от

себя, что, к сожалению, даже в случае изменения национальной правовой базы в этом аспекте отечественный бизнес вряд ли готов интересоваться космическими проектами, ведь они рассчитаны на длительную перспективу и не сулят быстрого возвращения затраченных средств.

Подводя итог вышесказанному, нужно выделить в качестве неотложной задачи изменение всей системы универсальных принципов исследования и использования космоса в соответствии с требованиями современности, с тем чтобы решить проблему обеспечения и защиты российских национальных интересов в новых сферах космической деятельности на будущее. Главным, как всегда при таких масштабных изменениях, остается, как говорится в пословице, «не выплеснуть вместе с водой и ребенка», т.е. сохранить все положительное, что заложено в нынешней системе правоотношений в космосе.

Список литературы

1. Алексеев А. 2016. Разведка и добыча космических ресурсов: опыт законодательства США. – *Юридические исследования*. № 5. С. 34–41. DOI: 10.7256/2409-7136.2016/5.18968
2. Беркман П.А. [и др.]. 2018. Международное космическое право: общие для России и США вызовы и перспективы. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 16–34. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-16-34
3. Киченина В. 2016. Правовое понятие небесного тела как основной категории международного космического права. – *Международное публичное и частное право*. № 2. С. 19–21.
4. Лузин П. 2012. Космос как инструмент мягкой силы внешней политики России. – *Индекс безопасности*. Т. 18. № 3–4 (102–103). С. 203–209.
5. Попова С.М. 2017. Инициатива Люксембурга SpaceResources.lu и возможные последствия для регулирования мирового рынка космической деятельности». – *Исследования космоса*. № 4 (5). С. 273–285. DOI: 10.7256/2453-8817.2017/4/25135
6. Томашов И. 2013. Вопрос ПРО в российско-американских отношениях – как выйти из тупика? – *Индекс безопасности*. Т. 19. № 2 (105). С. 91–96.
7. Ходакова А. 2012. ПРО: где кроется опасность? – *Индекс безопасности*. Т. 18. № 1 (100). С. 91–106.
8. Koroma A.G. 2012. The Development of International Law and the Peaceful Uses for Outer Space. – *Proceedings of the IISL. 2011. 54th Colloquium on the Law of Outer Space*. P. 3–20. URL: <http://www.iislweb.org/docs/2011keynote.pdf> (accessed date: 02.05.2018).
9. *Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons and Treaties*. Ed. by A. Arbatov and V. Dvorkin. 2009. Moscow: Carnegie Moscow Center. 224 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/12574Blok_YadernoyeRaspr_Eng_fin1.pdf (accessed date: 02.05.2018).

10. Nye J.S. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. 175 p.
11. Schrogl K.-U. 2016. Space Law and Diplomacy. – *8th Nandasiri Jasentuliyana Keynote Lecture*. 14 p. URL: <http://www.iislweb.org/docs/2016keynote.pdf> (accessed date: 02.05.2018).
12. Spring B. [et al.]. 2009. What Americans Need to Know about Missile Defense: We are Not There Yet. – *The Heritage Foundation WebMemo*. No. 2512. 5 p. URL: <https://www.heritage.org/missile-defense/report/what-americans-need-know-about-missile-defense-were-not-there-yet> (accessed date: 02.05.2018).
13. Vereshchetin V.S. 2010. The Law of Outer Space in the General Legal Field (Commonality and Particularities). – *Revista Brasileira de Direito Aeronáutico e Espacial*. P. 42–49. URL: <http://www.sbda.org.br/revista/1826.pdf> (accessed date: 02.05.2018).

References

1. Alekseenko A. Razvedka i dobycha kosmicheskikh resursov: opyt zakonotvorchestva SShA [Space Resource Exploration and Utilization: the U.S. experience]. – *Yuridicheskie issledovaniya*. 2016. No. 5. P. 34–41. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-7136.2016/5.18968
2. Berkman P.A. [et al.]. International Space Law: Russia – United States Common Challenges and Perspectives. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 1. P. 16–34. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-16-34
3. Khodakova A. PRO: gde kroetsya opasnost'? [Missile Defense: What Are the Threats?]. – *Indeks bezopasnosti*. 2012. Vol. 18. № 1 (100). P. 91–106. (In Russ.)
4. Kichenina V. Pravovoe ponyatie nebesnogo tela kak os-

¹¹ Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» (ред. от 7 марта 2018 г.). – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

- novnoi kategorii mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava [Legal Concept of Celestial Body as a Basic Category of the International Space Law]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2016. No. 2. P. 19–21. (In Russ.)
5. Koroma A.G. The Development of International Law and the Peaceful Uses for Outer Space. – *Proceedings of the IISL. 2011. 54th Colloquium on the Law of Outer Space*. 2012. P. 3–20. URL: <http://www.iislweb.org/docs/2011keynote.pdf> (accessed date: 02.05.2018).
 6. Luzin P. Kosmos kak instrument myagkoi sily vneshnei politiki Rossii [Space as Russia's Soft Power Tool]. – *Indeks bezopasnosti*. 2012. Vol. 18. No. 3–4 (102–103). P. 203–209. (In Russ.)
 7. *Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons and Treaties*. Ed. by A. Arbatov and V. Dvorkin. Moscow: Carnegie Moscow Center. 2009. 224 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/12574Blok_YadernoyeRaspr_Eng_fin1.pdf (accessed date: 02.05.2018).
 8. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. 2004. 175 p.
 9. Popova S.M. Initsiativa Lyuksemburga SpaceResources.lu i vozmozhnye posledstviya dlya regulirovaniya mirovogo rynka kosmicheskoi deyatel'nosti [The SpaceResources.lu Initiative of Luxemburg and Its Possible Consequences for the Regulation of the World Market of Space Activities]. – *Issledovaniya kosmosa*. 2017. No. 4 (5). P. 273–285. (In Russ.) DOI: 10/7256/2453-8817 2017/4/25135
 10. Schrogl K.-U. Space Law and Diplomacy. – *8th Nandasiri Jasentuliyana Keynote Lecture*. 2016. 14 p. URL: <http://www.iislweb.org/docs/2016keynote.pdf> (accessed date: 02.05.2018).
 11. Spring B. [et al.]. What Americans Need to Know about Missile Defense: We are Not There Yet. – *The Heritage Foundation WebMemo*. 2009. No. 2512. 5 p. URL: <https://www.heritage.org/missile-defense/report/what-americans-need-know-about-missile-defense-were-not-there-yet> (accessed date: 02.05.2018).
 12. Tomashov I. Vopros PRO v rossiisko-amerikanskikh ot-noshenii-kak vyiti iz tupika? [Missile defense in Russian-U.S. relations – how to end the deadlock?]. – *Indeks bezopasnosti*. 2013. Vol. 19. No. 2 (105). P. 91–96. (In Russ.)
 13. Vereshchetin V.S. The Law of Outer Space in the General Legal Field (Commonality and Particularities). – *Revista Brasileira de Direito Aeronáutico e Espacial*. 2010. P. 42–49. URL: <http://www.sbda.org.br/revista/1826.pdf> (accessed date: 02.05.2018).

Информация об авторе

Ирина Юльевна Штодина,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

llc48@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0522-5324

About the Author

Irina Y. Shtodina,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

llc48@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0522-5324